

## ПОЭЗИЯ "ЦИРКА"ОЛИМП"

что сопрягаю я с греческими островами,  
словно греческая у него душа  
и он серый, как скалы, или синий, как дождь;  
брошенные фразы, высказанные, - они все же не теряют  
опоры, -  
тот, кто высказал фразу, не исчезает  
и лицо следует за словами,  
их превращая в язык.  
Возьмите вот Улле-вора, нынче, правда, швейцара  
в клубе игорном, -  
он не слишком щедр на слова,  
но умеет быть - по-особому серьезным,  
потому ему веришь, когда он рассказывает,  
как двумя утрами раньше он вошёл в кафешку напротив  
клуба,  
где сидели два парня с обрезам  
и ждали момента  
надбыть заведенья владельцев  
с деньгами, порошком и прочим,  
и в четвёртый иль пятый раз за свою беспокойную  
жизнь  
Улле сумел их разоружить, - лишь спокойной, чуть  
выжидательной  
болтовнёй.  
Язык - как триумфальная колесница: такие поэты,  
как, например, Целан,  
и Мандельштам,  
и Эмили Диккинсон,  
которые с помощью самого - что ни на есть -  
пустяка,-  
царапающих петель слов,  
не весящих, в качестве слова, почти ничего  
ни на языке, ни в глотке, -  
сумели увидеть себя - очень точно увидеть -  
действующими в мире ином  
стрелами, несущимися сверкающей молнией  
в тот, озаряемый этими молниями, мир.  
Всё, - говорим, - в конечном счёте  
конечно.  
Но, думаю, и бесконечная огромность

## СЛОВАРЬ "ЦИРКА"ОЛИМП"

**ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС.** Это кокетливое словосочетание, предложенное Ж.Делезом и Ф.Гваттари, фактически является синонимом общепризнанного понятия индивидуального художественного стиля. Дело в том, что теория постмодернизма в принципе отрицает возможность индивидуального высказывания. Человек - это пленник языка, носитель определенного речевого поведения, а следовательно, и диктуемого им мышления. Индивидуум творится языком, его мировидение - заложник того или иного дискурса с его жесткой грамматикой. "Нормальные" люди являются носителями "культурного бессознательного", то есть внеперсональных дискурсивных практик, и эти люди тем "нормальнее", чем меньше они задумываются о том, что тот или иной дискурс их сознание, в сущности, насилует.

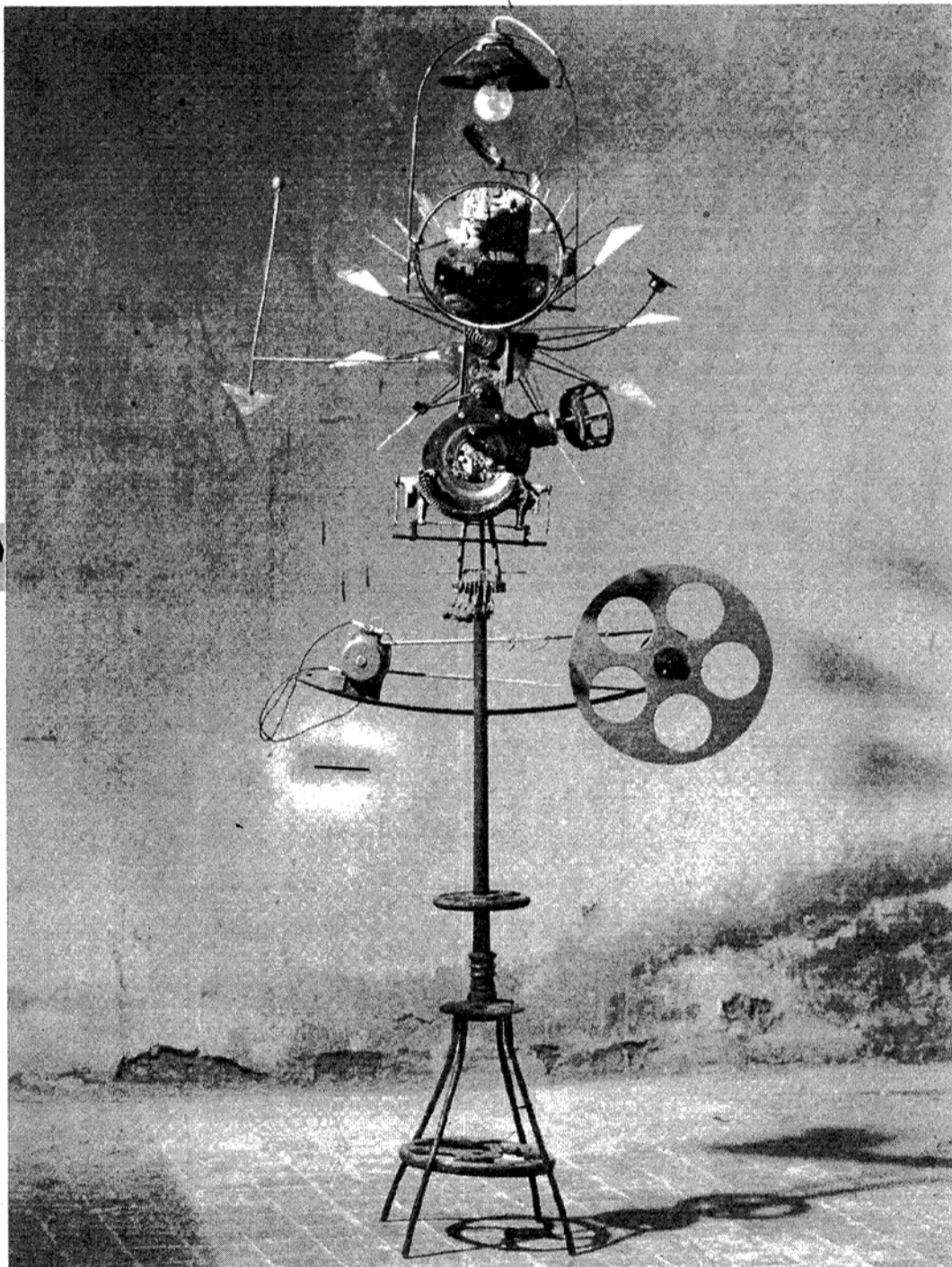
Особенно ненавистен постмодернизму так называемый "метафизический дискурс", то есть теоретическое, концептуальное мышление, навязывающее миру свои правила. "Метафизический дискурс", о необходимости которого так много говорится в нашем отечестве в лице, например, всех объединяющей национальной идеи, социальной доктрины, приводящей к согласию в обществе, в применении к искусству становится знаком тоталитаризма и несвободы.

Поскольку власть языка, дискурса является объективным фактором культуры, ее проклятием, своего рода судьбой, то вырваться из их плена дано не всякому. Для этого нужно быть "ненормальным", "отверженным", изгоем, маргиналом, например, больным, безумцем, преступником, или творческим человеком - поэтом, писателем, художником. Короче, "шизоидной личностью". Такая личность нарушает законы любого дискурса, языковые нормы для нее не существуют. В конце концов художник создает шизофренический дискурс, полный парадоксов и абсурда. Неслучайно критиков-постмодернистов интересуют художники "неправильные", маргиналы и парадоксалисты, фигуры второго плана, те, кто был в свое время отвергнут литературным истеблишментом, например, Ф.Вийон, маркиз де Сад, Л.Кэрролл, А.Арто.

Но, если присмотреться внимательнее, "шизофренический

в нашем высказывании означает, что ту колесницу, колесницу, на этот раз, Данте Алигьери в небе алмазных ветров,  
влечёт всё дальше к тому, что есть  
только холодная смерть - и больше ничто для меня,  
влечёт - всё дальше - прочь - самым - во мне -  
дурным  
("дурное", которое я, разумеется, сам  
ценю высоко, - быть может, даже  
предпочитаю!),  
и вот,  
как раз некое  
может тогда мне помочь  
убить себя в жизни  
жизнью.

Со шведского.  
Перевод Геннадия Айги



Василий Богачев. Часовщик.

дискурс" не так уж деструктивен. Он лишь кажется таковым на фоне господствующих дискурсивных практик и зачастую лишь обнажает их условность, конвенциональность и ограниченность. Даже у "махровых" абсурдистов есть своя довольно жесткая художественная грамматика, вполне соотносящаяся с какой-либо культурной традицией. Так поэт-обэриут А.Введенский восстанавливает древний магический характер поэзии, выстраивая лирический сюжет как медитацию, то есть непосредственное, вне привычных логических и языковых связей, постижение истины. С другой стороны, каждый большой художник разрушает нормы своей эпохи. Вспомним хотя бы "шизоидный" синтаксис Л.Толстого.

В современном искусстве власть языка, идеологическое давление дискурса переживается особенно остро. Поэтому "шизоидный" стиль в постмодернизме, например, стал в известном смысле господствующим. Новое возникает как алогичное, безумное сцепление фрагментов культурного гипертекста.

И.Саморукова



1996 N11